

МЕЙЕР ФОРТЕС*

О ЦЕРЕМОНИЯХ ВОЗВЕДЕНИЯ В ДОЛЖНОСТЬ**

Аннотация: На основе сравнительного анализа церемоний введения в должность у разных африканских народов (ашанти, мампруси, йоруба, талленси и т.д.) автор проясняет структуру этих церемоний, природу должности и значение ее материальных репрезентаций. В заключение автор суммирует общие элементы таких церемоний и связывает их с единообразными структурными требованиями и универсальными культурными ресурсами выражения этих требований.

Abstract: Based on a comparative analysis of some installation ceremonies of various African peoples (Ashanti, Mamprussi, Yoruba, Tallensi, etc.) the author explicates the structure of these ceremonies, the nature of the office and the significance of its material representations. In the conclusion the author sums up the common features of such ceremonies and relates them to the uniform structural requirements and universal cultural resources for the expression of these requirements.

Ключевые слова: должность, церемонии введения в должность, вождество, королевство.

Keywords: office, installation ceremonies, chiefship, kingship.

IV

Меж тем признание, наделение полномочиями, введение в должность и одобрение не всегда совмещаются. Они могут быть разделены во времени и распределены между разными их предоставителями, как в случае ректора Королевского колледжа. Этим подчеркивается, быть может, самое важное структурное правило, которое мы уже отметили в церемониях введения в должность. Занимающий должность не может легитимно ввести в должность сам себя. Узурпация силой или хитростью — это, конечно же, нелегитимное введение в должность (см. прим. 38). Это право и долг, всюду возлагаемые на должностных лиц — как светских, так и ритуальных, — которым запрещено их статусом, рангом или должностью, наследственными или назначаемыми, самим восходить в должность, которую они жалуют. Это результат уже отмеченного ранее констелляционного характера должности.

Значимость распределения наделения полномочиями и возведения в должность очень хорошо видна в случае вождества у народов Вольты в Западной Африке (см. прим. 39). Все народы этого ареала, говорящие на языке моле-дагбане, используют для обозначения титулованной должности, особенно вождества, и ее более величе-

* Перевод статьи публикуется в редакции переводчика.

** *Окончание.* Начало в предыдущем выпуске. Президентское обращение к Королевскому антропологическому институту 1967 г. Перевод сделан по изданию: Fortes M. On Installation Ceremonies // *Proceedings of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland.* № 1967. 1967. P. 5-20.

ственного расширения, королевства, концепт *наам*. Он имеет общий и абстрактный смысл. Видная политическая должность концептуализируется таким образом во многих африканских обществах — часто в противоположность взаимодополняющей ее, нередко ритуальной должности, такой, например, как должность *тендаана*. Хорошие примеры — *Охене* у ашанти, *Булема* у лози, *Букама* у ньоро (см. прим. 40) и *Буфуму* у бемба (см. прим. 41). У народов Вольты есть догма, что вождество «принадлежит всем нам». Для талленси это означает, что вождество — это корпоративная собственность всего максимального линиджа Мосуор-бии, временно доверенная конкретному арендатору (см. прим. 42). Поэтому, когда пост вождя оказывается вакантным, любой взрослый мужчина, являющийся членом максимального линиджа, имеет право за него побороться. Это же правило применимо к вождествам у других кланов Вольты, претендующих на происхождение от мампруси, но образующих часть сообществ вне пределов нынешнего королевства Мампруси.

В королевствах мампруси и дагомба (см. прим. 43) и в связанных с ними братскими узами королевствах мосси (см. прим. 44) большинство постов вождя передается по более ограниченным правилам наследования, например, только сыновьям предыдущего обладателя; но догма при этом остается той же самой. Считается, что *наам* принадлежит всем людям, так как существует только в конstellациях достоинств и должностей. Главные вожди — или, как их часто называют в литературе, короли — в королевствах Мампруси, Дагомба и Мосси наследуют свои королевские посты по праву династического наследования. При этом они восходят и царствуют лишь как освященные центральные фигуры в кластерах наследственных министров, советников, жрецов-помощников и судебных чиновников. Таким образом, правительственные, судебные, фискальные, военные и религиозные власти и полномочия распределяются между ними, и король не может править без их сотрудничества и согласия.

Этот паттерн настолько обычен для Африки, что никаких дальнейших разъяснений не требуется (см. прим. 45). И именно в этих вспомогательных должностях заключен, нередко как ритуально санкционированное право и обязанность, контроль над наследованием королевского поста и вступлением в него. Д-р Ричардс описала некоторые понятия и механизмы, стоящие за этими прерогативами, в своем президентском обращении (см. прим. 46). Но есть более широкий смысл, в котором *наам* принадлежит всем. От высшей своей персонификации в королевской должности до самого скромного своего воплощения в локальном вождестве, *наам* остается одной и той же вещью. С лингвистической точки зрения, как указала мне (в личном общении) Сьюзен Браун, это слово относится к классу существительных с окончанием «-м» — как то *коом*, водяной *бугм*, огонь, и т.д., — обозначающих вещи текущие или бегущие, которые могут до бесконечности подразделяться без изменения их природы и не имеют множественного числа. Подобно жидкости, *наам* вездесущ; он идет от впервые сотворивших его героических основоположников рода и государства Мампруси. По принципу линиджа, все патрилинейные потомки героев-основателей, признанные или мнимые, куда бы они ни разбрелись, имеют в нем свою долю. Каждое местное вождество есть делегированная часть универсального общего *наам*. Таким образом, когда *наам* в каком-то сообществе оказывается вакантным, он должен быть возвращен первоисточнику, королю или его представителю, а тот пытается его реанимировать, передав новому лицу. Следовательно, каждый обладатель вождества, за исключением самого короля, назначается королем или его представителем.

Значимость этого яснее всего видна из внешней зоны, где государство Мампруси не осуществляет политической, судебной и ритуальной власти и экономического или военного контроля (см. прим. 47). Вождество Тонго типично для *наам* во всем ареале. Как и во всем этом регионе, оно имеет две стороны. Одна сторона — это его связанность неразрывной наследственной передачей с мампруским источником; структурной основой этого является патрилинейный линидж, которому оно доверено. Другая сторона — это его комплементарная взаимозависимость с локально связанными тендаановыми кланами. В Тонго для объяснения этой двусторонней ориентации вождества приводят миф о Мосуоре (см. прим. 48). Вождь и *тендаана* должны в своих политико-правовых и ритуальных связях работать вместе, как муж и жена, иначе земля и народ не будут процветать. Ежегодно проводится крайне торжественная церемония, в которой вновь воссоздается и подтверждается согласие между наму и тендаанскими кланами (см. прим. 49). Как эта церемония, так и наделение полномочиями и введение в должность вождя — драматические повторения исходного пакта предков-основателей.

В африканских обществах церемонии введения в должность, стало быть, часто воспроизводят миф о происхождении должности; и наиболее ярким примером здесь являются церемонии восхождения на престол короля шиллуков. Но та же идея присутствует в таких обрядах, как миропомазание в церемонии коронации британского монарха. Как многие вспомнят, оно сопровождается хоровым пением гимна «Священник Садок и пророк Натан миропомазали царя Соломона». И наши авторитеты говорят, что каким бы древним по происхождению ни был этот обряд, именно эта библейская хартия придает ему его религиозную силу (см. прим. 50). В отличие, например, от ашанти, у народов Вольты пост вождя оказывается вакантным только тогда, когда занимающий его человек умирает; вождя нельзя сместить с поста, его нельзя, как шиллукского *рета*, убить, или, как в прошлом правителя йоруба, заставить отдать свою жизнь, когда придут в упадок его физические силы или политическое могущество. Король Мампруси — священный персонаж, но не божественный король. Благополучие его страны и его народа связано со строгим соблюдением им табу и других ритуальных и формальных обязанностей его должности, но не зависит от его физической силы, сексуальной потенции или политической компетентности. Эти же правила применяются, но с меньшей строгостью, к подчиненным обладателям *наам*.

Для этого ареала типично, что в случае кончины вождя Тонго именно *Гбизуг тендаана* при содействии сыновей и братьев умершего тайно хоронит его в его доме и осуществляет прощальные жертвоприношения святыням и атрибутам вождества. Смерть нельзя объявить сразу; и даже если постепенно все очевиднее обнаруживается, что старший его сын непрерывно действует как вождь, открыто это не признается. Проходит год или больше, прежде чем об этом торжественно объявляется на священной площадке для танцев, где, как гласит миф, впервые встретились и обновились Мосуор и первый *Гбизуг тендаана*. В ретроспективе старики говорили, что догадывались о смерти вождя из-за последовавших бедствий, болезней и неблагополучия; и страх перед нарастающей катастрофой междуцарствия служил, как говорят, стимулом к быстрому выполнению похоронных церемоний, раньше которых не может быть назначен преемник.

Здесь лицом, избирающим на пост вождя, является король Мампруси или его представитель, и как только смерть делается публичной, его должны немедленно об

этом проинформировать. Он посылает на похороны своих представителей, и именно в это время претенденты на наследование дают знать о себе подарками и развлечениями, предлагаемыми гостям. Конец этих похоронных мероприятий отмечен разрушением комнаты, в которой был погребен вождь; теперь его могила находится вне дома, как и могила любого обычного главы семьи. Затем его возводят в ранг предка, и он тем самым отсоединяется от своей должности. Это открывает путь к замене его преемником.

Теперь сын, временно выполняющий функции вождя (известный как Гбонгдана, т.е. хранитель кожи вождя), должен отослать вождество назад в источник. Материальным средством для этого служит корзина (*Кпанджок*) с туникой, сандалиями и красной феской, которые использовались во время облечения умершего вождя его полномочиями; также в ней лежат его лук и колчан стрел, принадлежавший ему нож и некоторые другие личные вещи; считается, что все они репрезентируют его умершую личность, или, как это называется у талленси, «грязь тела». *Кпанджок* сопровождают прощальные поставки, включающие коня, жертвенных животных, деньги и (в прежние времена) девушку-рабыню. Всё это принимается с причитающимися вождю формальностями и в конце концов передается на хранение старшей жене того, кто выбирает вождя.

Претенденты на наследование должности, которые должны, конечно, еще суметь доказать свое действительное патрилинейное происхождение от предка-основателя Мосуора, стекаются теперь в сопровождении своих сторонников в столицу избирателя и через своих друзей при дворе начинают предлагать цену за вождество. Это соперничество вполне уместно сравнить с ухаживанием за невестой или испрашиванием руки вдовы. Окончательный выбор делается королём и его советом после всестороннего рассмотрения характера и репутации, опоры и линиджевого статуса каждого кандидата, а не просто размера предложенной им платы в деньгах и в натуре. На самом деле размер этой платы традиционно и в какой-то степени даже недавно был хорошим мерилем этих качеств. Кандидат редко был достаточно богатым, чтобы конкурировать без займов, и чем большим уважением он пользовался, тем легче ему было их получить у родственников и сторонников.

Талленси говорят (Сьюзен Браун в личном общении это подтвердила), что сделанный выбор становится известен удачливому кандидату глубокой ночью. К нему приходят посланники короля, будят его и, по словам моего друга, покойного Тонграана Нанаамбьонга, сразу же обривают ему голову («как если бы, — говорил вождь, — он был вдовцом, которому бреют голову, чтобы снять с него “грязь” смерти»). Они срывают с него одежду, дают ему выпить воды, оставшейся после возлияний, совершенных избирателем у его святилища вождества, чтобы объявить его избрание, и окунают его в воду, в которую подмешана вода от возлияний. На следующий день на публичном собрании избиратель представляет свой выбор как *fait accompli*, произнося речь с объяснением и наставлением, адресованную прежде всего кандидатам, потерпевшим неудачу, дабы они великодушно приняли своего нового брата как вождя. После этого его официально облачают полномочиями. Старшая жена избирателя передает советнику, принявшему назад вождество в форме посмертной корзины умершего вождя, новый комплект одеяний вождя, и тот с надлежащими ритуальными жестами облачает избранного вождя в новую тунику, водружает ему на голову новую красную феску и, наконец, надевает ему на ноги новые сандалии. Отныне ему ни-

когда нельзя ступать на землю босиком. *Тендааны*, как жрецы Земли, могут это делать; но если это сделает вождь, это будет равносильно проклятию, которое погубит его, землю и народ. Это лишь первое из нескольких избеганий и ограничений, которые ему придется соблюдать при выполнении своей обязанности строить жизнь и деятельность так, чтобы это гарантировало благополучие страны и народа.

Таким образом облаченного и обутого — иначе говоря, облеченного, — избранного вождя уводят из собрания в потайное место. Сидя скромно на земле, он объявляет имена, под которыми он хотел бы, чтобы его знали в будущем как вождя. По мере объявления имен старикам и публике каждое принимается возгласами одобрения. Отныне зваться прежним именем для него табу. Обычно вожди дают себе три-четыре новых имени. Они призваны выразить в афористической форме чувства вождя в отношении своей былой карьеры и его устремления в отношении своего правления. Так, когда Кпаама стал вождем Тонго в гораздо более юном возрасте, чем обычно бывает, он упомянул это в своем первом имени вождя: *Убил Дэнг Зоогер*, что означает «слоненок быстро взрослеет». Другое выбранное им имя — *Булсонг на наам бьонг* («целебный источник превратится в озеро») — суммировало его чаяния в отношении будущего.

Далее следует серия приношений и возлияний святилищам предков избирателя, Земле и снадобью вождества. Таким образом испрашиваются благословения новому вождю и его народу. Описывая это, информанты говорят, что совместные еда и питье на этих приношениях и возлияниях не только гарантируют новому вождю благорасположение и покровительство предков-основоположников и благословение избирателя, но и примиряют с ним разочарованных своим поражением кандидатов.

Таким образом, внешнее наделение полномочиями, представляющее собой возрождение дремлющего вождества ритуальным актом его источника, завершено. Теперь новый вождь отбывает в свою страну, сопровождаемый восторженной толпой своих подданных. Он едет верхом на лошади, как это делал, по преданию, его предок Мосуор. Переправившись через реку Вольта, он следует по маршруту, который, согласно мифу, впервые проложил Мосуор, когда пришел в Талеленд. После этого возвращаться когда-либо по этому маршруту для вождя — строгое табу. И он никогда больше не должен видеть лицом к лицу того, кто его выбрал. Следующий их контакт состоится тогда, когда он умрёт и этим путём возвратится его *Кпанджоко*. Это показывает, что вождество, будучи однажды переданным, неотменяемо и необратимо.

Любопытен первый акт нового вождя, когда он входит в Талеленд. Талленси говорят, что именно табу, т.е. ритуальное запрещение, маркирует священность этого особого места. Вождь спешивается, садится на корточки и какое-то время перемещается так. Это поза покорности, которую принимает нижестоящий, когда приветствует вышестоящего, — например, простолюдин в присутствии вождя, проситель, испрашивающий благосклонности, или священнослужитель на жертвоприношениях Земле и некоторым важным святыням предков. Таким образом, вождь вступает в страну, в которой будет пользоваться врученными ему властью и полномочиями, не как господин, а как кандидат на пост, скромно ищущий принятия со стороны Земли. Это лиминальный обряд на священном пороге классического ван-геннеповского типа. Кроме того, здесь вождя принимает местный *тендаана*, приносящий в своей священной роще жертвы с целью испросить благословление нового правления. Приношение включает четыре шарика из муки и воду, которые он в обычной сакра-

ментальной манере разделяет с вождём. Затем он отводит вождя к границе территории соседнего *тендааны*. Так, проходя свой путь, тот передается от одного Жреца Земли к другому и принимается таким образом каждым, пока не достигнет Зоо — местности братских кланов Наму, смежной с Тонго. Там он ночью спит, а рано утром его отводят к окраине Тонго.

Здесь его принимают старейшины разных секций клана, возглавляемые старшим хранителем родовых святынь вождей Тонго, его предшественников. Приносятся жертвы с целью представить его и получить их благословение, после чего его ведут на священную площадку для танцев — то самое место, где первоначально располагались дома Мосуора и первого *Гбизуг тендаана* и между ними был заключен договор (там же ранее была объявлена смерть его предшественника). Идти туда обутым — строгое табу, но поскольку ему нельзя идти по земле босиком, его заставляют его нарушить. Смысл этого вполне понятен. Тем самым утверждается уникальный статус его должности, обособляющий его от собратьев по клану. В этот момент он отождествляется с самим предком-основателем Мосуором. Талленси говорят, что у вождя нет ни отца, ни братьев, ни сына, ни дочери, ибо он — отец каждого. Когда это закончится, он больше ни разу в жизни не сможет прийти в это священное место предков.

Далее отправляется послание, призывающее *Гбизуг тендаана* прибыть и принять его. Между тем приходит ответ, что сегодня уже слишком поздно. Это обычный ответ, и заключенная в нем интенция очевидна. Имеется в виду напомнить вождю и всем Наму, что, в конце концов, они гости автохтонных тендаанских кланов, которым позволено быть у них лишь до тех пор, пока они придерживаются соглашения о взаимной дружбе и сотрудничестве, установленного предками-основателями.

Получив такой отказ, вождь удаляется в стоящий неподалеку дом линиджа, традиционная привилегия которого — дать ему в это время место для отдыха. Глубокой ночью, когда все быстро засыпают, вождя неожиданно будят. Это *тендаана*, сопровождаемый старейшими членами его линиджа; и они принесли с собой святыню *дубеер*. Это святыня (некоторые говорят, что знахарская святыня) могущества вождя; считается, что ее принес с собой Мосуор из Мампруси. Считается также, что он получил ее от короля, *дубеер* которого — самый почитаемый, секретный и страшный культовый объект среди священных регалий и знахарских средств королевства (см. ниже). До этого времени она находилась в доме покойного вождя; оттуда *тендаана* ее и принес.

Вождя в сопровождении его старшей жены проводят в его собственный дом. Там *тендаана* совершает возлияние к святыне *дубеер*; он пересказывает историю о том, как Мосуор и его предок встретились и поселились вместе, и призывает предков и Землю соединиться со святыней *дубеер* и дать новому вождю долгую жизнь и благополучное правление. Вождю дают выпить воды; затем его раздевают донага, и он должен ополоснуть все тело этой самой водой. Это повторение того же обряда посвящения, с которым ему было впервые объявлено его избрание, и очевидно сходство его с обрядом, через который проходит *тендаана*. Это обряд, превращающий человека в служителя его должности: у *тендаана* это называется подчинением предкам и Земле, у вождя — подчинением вечному *наам*, воплощенному в *дубеер*. После этого ему уже никогда нельзя на него смотреть. *Дубеер* будет спрятан в маленькой камере, построенной *тендаана* и старшей женой Вождя в самой потайной части его дома. Всякий раз, когда *дубеер* требует жертвоприношения, эти двое приходят к нему ночью и совершают его.

Таким образом, новоизбранный вождь встречается с *дубеер* всего раз в жизни. Его идентичность как вождя, отделенная от его мирской личности, теперь запирается в нем и передается на надежное хранение в руки *тендаана*; поэтому вождь больше никогда не должен с ним контактировать. Обычным людям, даже принадлежащим к семье вождя, разумеется, нельзя видеть ни *дубеер*, ни какой-либо из связанных с ним ритуалов. Для них он символизирует опасное таинство сил вождества, первоначально переданных Мосуором на хранение предку *Гбизуг тендаана* так же, как в Мампруси *дубеер* королевства передается на хранение стражам снадобий короля.

На следующий день из дома покойного вождя приносятся другие наиболее священные фамильные вещи вождя, которые, как считается, тоже были принесены в Тонго Мосуором. Это барабаны *Гингаанг*, обозначающие роль вождя и Наму на Больших Празднествах. На них торжественно играют, их сопровождает радостная толпа; наконец, их передают, чтобы они были повешены в доме нового Вождя. Далее молодые члены семьи нового вождя срывают солому с крыши помещения для аудиенций покойного вождя. Это имеет двойной смысл. Так широко объявляется конец правления покойного вождя; но старая солома должна быть также использована для покрытия помещения для аудиенций нового вождя, и таким образом в явной для всех символике еще раз демонстрируется — через последовательные пребывания в должности — преемственность *наам*.

Чтобы завершить свое вхождение в должность, Вождь посылает корову для принесения в жертву предку-основателю Мосуору. Мясо делится между всеми ветвями линиджа, а шкура принадлежит вождю. Она расстилается на возвышении в его помещении для аудиенций, где он должен сидеть; именно эту шкуру имеют в виду, когда о его должности метафорически говорят как о его «шкуре» (*гхонг*); точно так же ашанти, обозначая должность, говорят о «скамье», а мы — о «троне», или «престоле».

Должность священна в том смысле, что пунктуальное соблюдение вождем отличительных для нее правил жизни и поведения поддерживает благополучие страны и народа. В системе ценностей талленси вождество состоит прежде всего и в основе своей не из политических, юридических или административных ролей, а из этого ритуала и моральной роли. Видное место среди этих обрядов занимают табу на продукты питания, одежду и действия. Например, вождь должен не иметь контакта со смертью, ибо она есть отрицание полноты жизни, которой его должность предположительно способствует. От него требуются важность движений и манер, сдержанность в гневе, беспристрастное отношение ко всем независимо от связывающих с ними родственных уз, прежде всего строгое выполнение своих ритуальных обязанностей перед предками и сотрудничество с *тендаанами*. Кроме того, его должность священна в том плане, что брань в адрес вождя, оскорбление его или даже просто нарочитое его игнорирование приводят предков в такую ярость, что неизбежно грядет катастрофа. Его благословение и его проклятие одинаково могущественны. Часть этой святости проистекает из шкуры, на которой он сидит. На ней можно приносить клятву, и ни одному человеку, не имеющему на то полномочий, не позволено ее трогать. С течением времени все больше шкур коров, принесенных в жертву предкам вождя, добавляется к первой, но наиболее важна эта первая, и она должна оставаться с вождем до самой его смерти. Как мы видели, сын-душеприказчик после кончины Вождя пользуется известностью как хранитель шкур Вождя.

Теперь введение Вождя в должность завершено, но он должен принести еще много жертв, чтобы подтвердить свою позицию политико-ритуального симбиоза со всеми другими группами талленси. Он должен послать животных для принесения жертв всем важным святыням Земли в стране и в культовых центрах, связанных с Большими Празднествами. Таким образом каждая важная политико-ритуальная должность, которой обладают линиджи, связанные воедино в цикле Больших Празднеств, связывается с вождеством (см. прим. 51).

Так каковы же значимые черты церемоний этого типа? Прежде всего, существует разница между наделением полномочиями (или инвеститурой) и введением в должность как таковым. Инвеститура вручает должность как обладание мистической ценностью, гарантированное прямой ее передачей от предков-основателей; она трансформирует статус обладателя, но пока сугубо номинально. Человек очищается от своей мирской — или, как сказал бы Ван Геннеп, профанной — личности и заново облачается и нарекается уже как новая — Ван Геннеп сказал бы сакральная — личность. И мы не должны ее мыслить как нечто всего лишь номинальное. Из данных мне описаний ясно видно, что этот опыт наполнен для кандидата не только триумфом, но и страхом и тревогой, в силу чего он чувствует себя потенциально измененной личностью. В частности, вожди и старшие подчеркивают табу и ограничения, связывающие вождя, — а не привилегии, которые он получает, — и таким образом объективируют для него и мира в целом его новый статус. Но все это приходит с введением его в должность. Инвеститура снимает с обладателя его прошлую социальную идентичность и наделяет его новой. Но она не дает ни авторитета, ни ответственности, ни прав, ни обязанностей. Инвеститура без введения в должность обычна в случае титульных должностей, которые не несут в себе никакого политико-правового или ритуального авторитета или ответственности за сообщества, услуги или ресурсы, а служат лишь показателями ранга в системе продвижения, например, у нупе (см. прим. 52) или, ближе к Мампруси, у гонджа (см. прим. 53).

Как и в случае ректора Королевского колледжа или наших епископов, существенные права и аксессуары должности здесь передаются вождю путем введения в должность как такового. И смысл этого — политико-правовой, ритуальный и экономический — драматизируется в последовательности обрядов принятия, находящихся кульминацию во введении вождя в его дом. Он не может действовать как носитель *наам* иначе, нежели по милости *тендаан* и собственного линиджа и в сотрудничестве с ними. Примечательно, что в символике этих обрядов нет ни малейшего намека на войну или какую-то форму насильственной власти. Их темами являются мир, взаимная дружба и политико-ритуальная взаимозависимость, сфокусированные в великих празднествах, барабанах и площадке для танцев. И за всем этим кроется предпосылка непрерывности и трансцендентности вождества, материально и символически представленная в святыне *дубеер* и священных барабанах.

Вполне понятно, что в случае королевства у мампруси инвеститура и возведение в должность сливаются. Поскольку речь здесь идет об источнике, которому нет равных, то церемония по необходимости вся остается внутри (см. прим. 54). Лицами, ответственными за назначение на королевский пост, должны быть чиновники и старейшины, которым нельзя претендовать на него, но чьи должности должны составлять часть констелляции королевства. Принцы, могущие претендовать на королевство, всегда страстно его жаждут и даже борются за него; тем не менее церемонии

введения в эту должность стремятся показать, что она владельцу насильно навязывается. Этот паттерн легко опознается и в современной Африке, и в прежних (скажем, египетской) формах королевства. Высшая должность приходит от Бога и предков; она не может быть передана человеком; она овладевает тем, кто ее занимает. Когда «шкуры» вакантны, наследника выбирают советники и старейшины. Но они посылают чиновников, чтобы те схватили его и притворно приволокли во дворец, как если бы он был рабом. Там главный *тендаана* столицы, которому помогают другие потомственные чиновники, заставляет избранного короля побриться, раздеться, облечься в антилоповую шкуру — как если бы он был *тендаана*, т.е. автохтонным для земли, которой он будет править, — и ритуально омыться. Совершаются жертвоприношения святыням предков, Земле и снадобьям вождества. Устраивается пир, на котором избранный король, потерпевшие поражение принцы и старейшины соединяются вместе в том, что выглядит коллективным святотатством, так как еда содержит мясо тотемически запретных животных. Более наглядно и драматично их общую верность королевству вряд ли возможно удостоверить. Избранный король проходит через дальнейшие очищения и терпеливо и кротко подчиняется увещаниям старейшин выполнять свои королевские обязанности честно и добросовестно. В течение ночи введения его в должность весь этот процесс повторяется семь раз. И сквозной нитью через все это проходит акцент на его обязанностях и на том, что он слуга *наам*, а не его хозяин.

Решающим элементом является, видимо, обряд возведения на престол, выполняемый втайне вскоре после того, как его захватили в плен. Чиновники хватают его и трижды сажают на таинственный, покрытый накидкой объект, настолько сакральный, что даже имя его нельзя упоминать на публике. Г-жа Браун (в личном общении) говорит, что описывают его по-разному: то как камень, то как скамью, то как воплощение короля-предка, утонувшего в реке. Она подтверждает, что Рэттрею в 1932 г. сказали, что он зовется *На Могеле*, т.е. «Король Река», и делает вывод, что, вероятно, это скамья (см. прим. 55). Это часть королевской святыни *дубеер*, которую запрещено видеть любому члену королевской семьи, кроме короля, да и последнему всего лишь раз; она находится на хранении у *Гбандари*, линиджа Палача.

Все информанты сходятся во мнении, что короля делает именно этот обряд возведения на престол. Г-жа Браун говорит, что его считают физически изменившимся после этого обряда. Королевские барабанщики приветствуют и восхваляют его, как если бы он был реинкарнацией героя-основателя всего рода и королевства Мампруси. В *На Могеле* заключено как святыня само королевство; и именно поэтому принцам запрещено его видеть. Они могут лишь жаждать королевства и желать однажды посостязаться за него; увидеть его равнозначно намерению его узурпировать, и наказанием за это является мистически причиненная смерть. С этой интерпретацией согласуется то, что, когда король умирает, палачи сразу прячут *На Могеле* и не приносят назад до тех пор, пока не будет избран новый король и не нужно будет возвести его на престол. Рэттрея впечатлила здесь параллель с *виремпе* у ашанти (об этом см. ниже).

Введение в должность завершается представлением короля публике, объявлением новых имен, которые он для себя выбрал, и парадом принцев и подчиненных вождей, выражающим лояльность ему. Его церемониально одевают, возлагают на голову головной убор и обувают; и, что важно, после этого он никогда не должен

видеть того старейшину, обязанностью которого является надзор за церемонией введения в должность. Как и Вождь Тонго, король, будучи введенным в должность, больше никогда не может входить в комнату своего дворца, в которой хранятся священное сиденье королевства и другие святыни — и которая, кстати говоря, является святыней. Отныне он связан также всеми пищевыми табу, личными ограничениями и ритуальными обязанностями королевского поста. В прошлом он никогда не покидал границ дворца, никогда не оставался без сопровождающих и никогда не мог предпринимать какие-либо действия в обход советников или какого-нибудь ритуально-специалиста.

Во всем ареале Вольты королевство Мампруси признается своего рода «акме» института *наам*. Оно показывает нам, что эта должность черпает свою силу из ответственности перед политико-правовым сообществом, а не из власти, которую оно над ним дает. Изречение гласит: *наам* без народа ничто. Даже на уровне королевства *наам* — не божественная должность. Но у него есть магические и мистические атрибуты, которые близко подводят его к божественному. Это трансцендентное королевство, заключенное в вечном троне и других королевских *sacra*, а не в человеке-короле, обладающем этими качествами. Труд по внедрению королевства в жизнь символически вкладывается в короля. Королевский пост приносит привилегии, такие, как доступ к богатству и услугам, абсолютно недостижимым для простолюдина и младшего вождя. В прошлом оно приносило и власть над людьми. Но в то же время оно рушит его обладателю свободу и возлагает на него тяжелое бремя. Правовой и политический авторитет делает короля уязвимым перед ресентиментом; его ритуальные обязанности открывают его для магических и мистических опасностей. Таким образом, королевство было и остается желанным и чтимым, но при этом внушающим страх. Мы видим отражение этой амбивалентности в церемониях введения в должность и в связанных с этой должностью табу. Это необратимая, обоюдоострая подневольность. Неудивительно, что его носителю больше никогда нельзя после этого видеть представителя, наложившего на него эти золотые оковы.

V

Фамильные вещи, реликвии, регалии и другие материальные символы должности редко отсутствуют в церемониях введения в нее. Некоторые, как, например, у нас цепь мэра, являются не более чем живописными эмблемами. Другие, как, например, Ключи Колледжа или оружие, вручаемое вождю у тсвана, более явно символизируют могущество и полномочия, присущие должности. В этой связи вспоминаются держава и скипетр, фигурирующие в британской церемонии коронации; однако, как и мечи, они на самом деле не просто показывают силы и достоинства, присущие короне. Они имеют ауру святости, так как восходят к истокам обрядов коронации, и символизируют величие монархии.

Фамильные вещи, реликвии и регалии обеспечивают преемственность должности и символизируют данные ей полномочия и прерогативы — как мистические и духовные, так и светские. Таким образом, обладание ими часто становится незаменимым условием доведения обретения должности до конца. Вождество в Вольте хорошо это иллюстрирует. В Тонго должность вождя не приобретает необратимым образом до тех пор, пока новый вождь не примет во владение *дубеер* и барабаны. Примечательно, что ему (и в такой же ситуации королю) запрещено входить в пря-

мой контакт со святыней вождества. Это служит ему напоминанием о том, что вождество священно и что оно доверяется ему лишь временно и он не должен пользоваться им как своей частной собственностью. Реликвии и фамильные вещи могут не иметь большой ценности как материальные блага. Если бы они ею обладали, то не могли бы так хорошо служить своим символическим и ритуальным целям. Дорогостоящие регалии европейских и восточных монархий, а также таких африканских королевств, как Ашанти, рассчитаны больше на то, чтобы показать могущество и величие королей, нежели на то, чтобы провозгласить священность или ответственность должности.

Африка дает много примеров зависимости полного занятия высокой должности от овладения ее реликвиями или эмблемами. Хорошо известный пример — барабан Багьенданва у анголе. Чтобы стать Мугабе, победитель войн за вступление на престол должен был получить этот барабан, служивший залогом безопасности племени (см. прим. 55). Знаменитый Золотой Стул ашанти, часто описываемый как «Душа Нации», имеет схожую связь с их королевством. Интересную параллель с мампруси демонстрируют бемба. Самым могущественным элементом в политической системе у них являются, видимо, потомственные чиновники, известные как *Бакабило* (см. прим. 56). Именно они контролируют доступ к верховному вождеству. Когда умирает вождь (эти личные сведения мне любезно предоставила д-р Ричардс, за что я ей очень признателен), Бакабило берут и уносят комплект реликвий, известный как *Бабенье* (см. прим. 57), и фамильный свадебный горшок. Когда прибывает новоизбранный вождь, чтобы занять свою должность, первым шагом является сложный обряд вручения этих реликвий. Обладание ими дает ему способность общаться с духами умерших предшественников, и это основа его права на правление. Обязанностью вождя является активная половая жизнь, которая, как говорят, «согревает землю». Так, церемонии вхождения включают акт ритуального сношения вождя с главной женой и использование фамильного свадебного горшка для обряда очищения.

Такая связь полномочий тех, кто делает короля королем, с контролем над реликвиями, фамильными вещами и символическими знаками короля, обладание которыми существенно для передаваемой должности, — обычное дело. *Гбандари* у мампруси, *Виремпе* у ашанти и *Нгамбела* у лози мы уже упоминали. Более впечатляющий пример мы находим у йоруба. Правители йоруба традиционно отбирались в соответствии с процедурами, общими для Западной Африки, т.е. по наследственному праву, при условии физического совершенства и под руководством уполномоченных советников и жрецов; тем не менее считается, что избранный правителем не хочет им быть, и его символически берут в плен (см. прим. 58). Обряды введения в должность позволяют понять, почему это делается. Как правило, эти обряды, например, введения в должность алафина Ойо, согласно Мортону-Уильямсу, со всей драматической непосредственностью «воплощали в нем мощь его предков» (см. прим. 59). «Когда умирал король», продолжает он, жрецам Огбони «отдавали голову, и они счищали плоть с черепа». Также вынималось сердце, его забирал жрец Шанго. Во время введения в должность избранный алафин должен был принести жертву Шанго и после этого съесть сердце своего предшественника. Позднее, у святыни Огбони, череп его предшественника наполняли зерновой кашей, которую он должен был выпить. Считалось, что этот обряд вливает в него правомочия и королевский авто-

ритет, дающие ему способность править. В сложной структуре двора высшей властью, однако, располагал, по всей видимости, Совет Ойо Меси. Те, кто в него входил, держали в своих руках жизнь короля; и если его правление приносило военное поражение или он становился непопулярным, они могли заставить его совершить самоубийство (см. прим. 60). Должно быть, поистине нелегкая ноша ложилась на головы, носившие такие короны.

Регалии, фамильные вещи и знаки должности очень важны у ашанти. Употребление слова *аконнуа* («скамья») для обозначения любой формы политической или линиджевой должности отражает тот факт, что любая должность мыслится как священное наследство, доставшееся от предков и символически сосредоточенное в черных крашеных скамейках, посвященных им и доступных, стало быть, только людям правильного происхождения (см. прим. 61). Решающим обрядом введения в должность для каждой должности является посадка на скамью, когда избранного кандидата усаживают на такую скамью предков (см. прим. 62). Вот почему *виремнефо* (см. прим. 63), подобно палачам у мамприси, имеют такую большую власть в определении наследника. Примечательно, что сами они в силу своего происхождения не могут законно претендовать на наследование. Вместе с тем, унося скамьи предков и важные регалии сразу после кончины вождя, они гарантируют, что при выборе преемника Королева-мать и главные старейшины будут искать их одобрения. В прошлом, пока они владели скамьями, междоусобицы часто были отмечены беспорядками. Жизнь и собственность были незащищены, и на старейшин оказывалось давление, с тем чтобы они ускорили выбор нового вождя.

При отборе наследника на скамью вождя советники и старейшины первым делом устанавливают, что он вправе на нее претендовать в силу происхождения. Затем они должны удостовериться, что его тело цело и безупречно, поскольку малейший телесный дефект противен предкам и, следовательно, является мистической опасностью для общего блага, причем сопоставимой с инцестом. Кроме того, они должны убедиться в том, что он достоин должности в силу его репутации и характера.

Действительные церемонии инвеституры и введения в должность разнятся, будучи чрезвычайно сложными для короля и относительно простыми для младших вождей (см. прим. 64). Та, которую я зафиксировал в 1945 г., началась на закате с собрания старейшин, советников и широкой публики на открытом воздухе. В ней от начала и до конца бросались в глаза фамильные вещи, регалии и эмблемы. Прибыла Королева-мать со свитой. Все были богато облачены в траурные одежды, словно в знак скорби по умершему вождю. Оркестры барабанов во всем великолепии, служители, демонстрирующие большие зонтики Государства, и прочие толкущиеся здесь же люди образовали в свете деревянных факелов оживленную сцену. Под великолепным Государственным зонтиком была поставлена скамья *хведом*, оборудованная в виде кресла и ассоциирующаяся с войной. В этот момент послали за избранным вождем, и он прибыл, идя медленно и величественно, в сопровождении свиты и ликующей толпы. Старейшины, на которых лежала соответствующая обязанность, представили его как одобренного и принятого новоизбранного вождя другим старейшинам, а затем народу. Далее его проводили к креслу *хведом*, где Королева-мать взяла его за правую руку, а советник двора, получивший полномочия Гьясехене, — за левую. Те подвели его к креслу и трижды усадили на него под поздравительные крики его клановых родственников и прочих собравшихся; затем его пра-

вое плечо посыпали белой пудрой, что является обычным знаком радости. Затем он раскрыл имя предка, под которым впредь хотел бы быть известен как вождь. Пока это обсуждалось, он был вызван к месту, где сидели два самых старших советника, и там от него потребовали принести клятву преданности своему вождеству и лояльности старейшинам.

Клятва приносится путем поднятия в воздух одного из специальных церемониальных мечей, принадлежащих к регалиям каждой важной скамьи. Эти мечи символизируют не только долг обладателей данной должности объединяться ради защиты своих земель и Государства во время войны, но и верховенство вождества как священного наследия, доверенного предками для поддержания завещанных ими законов и обычаев (см. прим. 65). Далее он повторил эту же клятву Королеве-матери и Гьясехене и занял место в своем должностном кресле. Теперь вперед вышли все старейшины, и каждый по очереди поклялся в лояльности и преданности ему, поднимая вверх другой Государственный меч, но с одним примечательным добавлением. Они преклоняли колени так, чтобы он мог коснуться головы каждого левой ступней, показывая тем самым верховность своей должности над их должностями. К этому они добавляли наставление поступать справедливо и мудро и никогда не пренебрегать их советами.

Когда церемония закончилась, он направился домой, следом за ним — старейшины, слуги, простой народ, барабаны и регалии. Однако путь ему преградили прислужники с паланкином. Он забрался в него, и до дворца его несли обычным способом. После этого его голые ступни никогда не должны касаться земли, и он не может на ней ни сидеть, ни лежать. Ашанти говорят, что земля — это обитель мертвых, и, следовательно (как и в Мампруси), не должно быть никакого контакта между вождеством — средоточием силы и собственности — и землей. Между тем на более бытовом правовом уровне это имеет значение для смещения вождя, которое является у ашанти законным. Оно церемониально улаживается путем опрокидывания его задом на землю и уноса его сандалий; это прокручивание назад обрядов посадки на скамью. Как и можно было бы ожидать, делается это советниками, введившими его в должность.

Вернусь к своему рассказу. Придя во дворец, вождь был препровожден в святилище, где хранились покрашенные в черный цвет скамейки предков. Там забили жертвенных баранов и совершили возлияние пальмовым вином, чтобы представить его предкам и снискать их благословение. Некоторые информанты рассказывали, что в скамейном доме, где хранятся старейшие покрашенные в черный цвет скамьи, происходит второе, тайное посажение на скамью. Еще информанты говорили, что Королева-мать на публичном введении в должность должна обратиться к вождю с предупреждением, что он больше не принадлежит своему линиджу, а принадлежит всему чифдому и что отныне он должен относиться к каждому с равной и беспристрастной справедливостью.

На следующий день вождь перебрался в дом старейшины, должностью которого является по традиции должность казначея и главного хранителя скамейных регалий и сокровищ. Он рассказал мне потом, что оставался там сорок дней, и все это время его инструктировали по поводу его обязанностей вождя, рассказывали об имуществе и владениях чифдома и посвящали в многочисленные пищевые табу и другие ритуальные обязательства, которые он теперь должен был принять. Он ска-

зал также, что перед введением в должность его ритуально омыли и побрили. Когда этот период ученичества закончился и перед тем, как он наконец перебрался в свою наследственную резиденцию, он, по обычаю, принес клятву верности Королю Ашанти. Это та же самая клятва, которую старейшины приносят вождю, и, подобно им, он склоняется перед королем так, чтобы тот поставил ему на голову ступню. После этого он должен принести многочисленные жертвы божествам в своем Государстве и в других местах.

Таким образом, церемонии введения в должность у ашанти вращаются вокруг скамей предков и регалий. Знаменитая Золотая Скамья, сверкающие мечи, ружья, зонты, золотые украшения, одежды, сандалии, военные туники и многие прочие изделия Государства проходят ярким парадом на разных стадиях введения в должность короля (см. прим. 66). Но, с другой стороны, присутствует и политическая акцентировка, гораздо более заметная, чем в соответствующей церемонии мампруси. В наделении вождя полномочиями и введении его в должность представлена вся структура политической власти и установленного авторитета. Клятвы верности напоминают одну из клятв, приносимых во время коронации нашим монархом. У ашанти эти клятвы тоже провозглашают, что конечная основа политического суверенитета — согласие сообщества, выраженное представляющими его советниками и старейшинами. Кроме того, они подчеркивают, что правители не стоят над законами общества, а подчинены им, как и все. У ашанти основополагающие правила *corpus iuris* атрибутируются эдиктам Героя-основателя, Осей Туту, и его помощника-жреца, Комфо Анокье; поэтому их обязывающая сила признается в ритуальных терминах, связанных с почитанием скамей предков. Вождь вступает в свои права благодаря законному титулу и народному согласию; он правит по милостивому благоволению предков (см. прим. 67).

VI

Для полного понимания таких квазиканнибалистических обрядов, как обряды йоруба, нам нужно много чего знать об их религиозных верованиях и философских представлениях, касающихся тела, души и судьбы умерших. Я некомпетентен обсуждать эти вопросы, даже если бы располагал временем. Что интересно, так это контраст этих обрядов с теми, которые сосредоточены на материальных *sacra*, таких, как скамьи и знахарские святыни. Связующим звеном здесь является необходимость отделять должность как постоянную и самождественную сущность от ее преходящих смертных носителей, в то же время гарантируя, что она будет полностью приниматься, усваиваться и проживаться ее последовательными обладателями. Вербальный и жестовый ритуал слишком легко разъедается дефектами памяти или фальсификациями, чтобы служить этой цели. Привязка к происхождению или наследованию фиксирует лишь титул, а не содержание его формы и действия. Поэтому одна из альтернатив — объективировать и персонифицировать должность в материальных передатчиках, которые, заряжаясь ее *мана*, как сказали бы, возможно, наши предшественники, сохраняют ее и передают в ходе хранения из одного поколения в другое. Другая альтернатива — требовать от каждого последующего обладателя, чтобы он инкорпорировал *мана* в себя самого, буквально воплощал ее, и именно это делают йоруба, отбирая части тела каждого временного воплощения, лучше всего подходящие для этой цели согласно их теории личности. Легко понять,

какие весомые обязательства должны означать воплощенные таким образом узы, особенно если вспомнить ритуальное могущество жрецов, проводящих обряд, и повелительный статус божеств. Вспоминаются такие аналогии, как рукоположение в посвящении в сан христианских священников, возможно, в противоположность сложному материальному аппарату церемоний коронации. Вместе с тем мы не должны терять из виду и контролирующее присутствие могущественных сановников, советников и государственных чиновников, представляющих аппарат высшей политической и религиозной власти, стоящий за преемственностью важных должностей.

Здесь стоит вспомнить, насколько общим для африканских языков является выражение занятия должности в идиоме, которую можно буквально перевести как «съесть» должность. Она выглядит весьма реалистичным описанием обычая йоруба. Это обычный термин в языках Вольты и аканских языках. И он напоминает нам о роли, всюду играемой в церемониях введения в должность обрядами еды и питья. В наших африканских примерах эти обряды обычно происходят в контексте жертвоприношения, что говорит о наличии в них сакрального элемента. Мы могли бы сравнить это — надеюсь, без непочтительности — с Причастием, принимаемым монархом в британской коронационной службе после действительного коронования и интронизации. Во введениях в должность у талленси и мампруси вождю дают выпить или съесть, как у них говорят, от воды, муки и жертвенного животного, которые были принесены в жертву предкам, святыням вождества и земле. У ашанти нововведенный в должность вождь причащается таким образом приношений, сделанных скамьям предков.

Как бы неброско ни выглядели эти обряды по сравнению с обычаем йоруба, они служат той же цели. Нововведенные в должность вожди тем самым признают авторитет и власть предков и других сверхъестественных агентов, подчиняются им и обещают выполнять все обязательства своей должности. Но это сотрапезничество и питье с предками имеет и другую сторону. Оно наполняет их мистической доблестью, «мана», позволяющей им выполнять работу вождя. Именно эта доблесть, так ими усвоенная, и отделяет их магически от профанного мира, делает соблюдение ими табу и других правил поведения вождя действенным средством умножения блага их земли и их народа и дает сверхъестественную санкцию их политической и судебной власти. Это не означает, будто у них нет светских полномочий, прав и обязанностей. Вожди не могут спрятаться за свой ритуальный статус, если злоупотребляют своим положением в ущерб общественному благу.

Даже если их нельзя сместить, принудить к суициду или убить, их можно бойкотировать или покинуть, и их всегда могут подчинить дисциплинарному контролю структурно противостоящие им советники, старейшины и помощники — персонажи, которые их избрали, наделили полномочиями и ввели в должность. Именно эти должностные лица и функционеры обладают в Ашанти властью сместить вождя, а в Ойо — потребовать от плохого короля самоубийства; и именно они всюду несут ответственность за то, что должно быть сделано в случае смерти обладателей видной должности. Ибо, как я уже говорил в самом начале, первостепенное значение имеет то, что контроль над всеми стадиями цикла обладания должностью доверен одним и тем же функционерам.

Какие выводы можно получить из этого исследования? Наверное, не больше чем подтверждение тезиса, предложенного Хокартом, а именно: что церемонии вве-

дения в должность имеют во многом одну и ту же структуру, используют схожие процедуры и служат примерно одинаковым целям во всех обществах. Нам нет нужды вслед за ним приписывать это базовое единообразие общему и уникальному историческому происхождению. Мы видим повторяемость таких элементов, как притворное пленение, омовение и очищение, наделение новыми и особыми одеяниями, возведение на трон и перемена имени, представление предкам и божествам, часто соединенное с испытаниями, одобрение сообщества, принятие политико-правовыми и ритуальными сановниками, представляющими все элементы констелляции интересов, составляющей сферу ведения высокой должности, собственно введение в должность с передачей регалий и эмблем, а также наложение моральных и ритуальных обязательств должности как кульминационный элемент церемоний, насквозь пропитанный ритуальными, мифологическими и магическими идеями и санкциями.

Ясно, что все эти процедуры сходятся на единой цели. Они являются процедурами, призванными избавить человека от его мирской, светской, «профанной» социальной идентичности, очистить его от его обычных, земных, обыденных, «грязных» качеств и воссоздать его заново как личность, являющуюся подходящим, ритуально чистым сосудом для должности, трансцендентность и вечность которой рисуются в догмах о ее святости и идеальной непоколебимости. Символизм этих процедур по большей части легко понятен, поскольку они должны выражать консенсус общества, от лица которого должность доверяется ее обладателям. В основе этих единообразий лежат не общие исторические истоки, а общие структурные требования и такие универсальные культурные ресурсы выражения этих требований, как внутренние и внешние изменения в человеческом теле в потоке времени, в жизни и смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beattie J.H.M. Rituals of Nyoro Kingship // *Africa*. 1959. Vol. 29. P. 134-145.
2. Busia K.A. *The Position of the Chief in the Modern Political System of Ashanti*. L.: Oxford University Press, 1951.
3. Encyclopaedia Britannica. 14th edn. L.: Encyclopaedia Britannica Co., Ltd., 1929.
4. Evans-Pritchard E.E. *The Divine Kingship of the Shilluk of the Nilotic Sudan*. Cambridge: University Press, 1948.
5. Forde D., Kaberry P. (eds.) *West African Kingdoms in the Nineteenth Century*. L.: Oxford University Press, 1967.
6. Fortes M. The Political System of the Tallensi // Fortes M., Evans-Pritchard E.E. (eds.) *African Political Systems*. L.: Oxford University Press, 1940.
7. Fortes M. *The Dynamics of Clanship among the Tallensi*. L.: Oxford University Press, 1945.
8. Fortes M. Ritual and Office in Tribal Society // Gluckman M. (ed.) *Essays on the Ritual of Social Relations*. Manchester: University Press, 1962.
9. Fortes M. Reflections on Ancestor Worship in Africa // Fortes M., Dieterlen G. (eds.) *African Systems of Thought*. L.: Oxford University Press, 1964.
10. Fortes M. Totem and Taboo // *Proceedings of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. № 1966. 1967. P. 5-22.
11. Gluckman M. The Lozi of Barotseland in North-Western Rhodesia // Colson E., Gluckman M. (eds.) *Seven Tribes of British Central Africa*. L.: Oxford University Press, 1951.
12. Goody J. (ed.) *Succession to High Office / Cambridge Papers in Social Anthropology*. Vol. 4. Cambridge: University Press, 1967.
13. Goody J. The Overkingdom of Gonja // Forde D., Kaberry P. (eds.) *West African Kingdoms in the Nineteenth Century*. L.: Oxford University Press, 1967.
14. Hastings J. (ed.) *Encyclopaedia of Religion and Ethics*. Edinburgh: T. & T. Clark; N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1908-1926.
15. Hocart A.M. *Kingship*. Oxford: Clarendon Press, 1927.
16. Jouvenel B. de. *Sovereignty*. Cambridge: University Press, 1957.
17. Kyerematen A.A.Y. *Panoply of Ghana*. N.Y.: Praeger, 1964.

18. Lloyd P.C. Sacred Kingship and Government among the Yoruba // *Africa*. 1960. Vol. 30. P. 221-237.
19. Maine H.S. *Ancient Law*. London, 1861.
20. Mauss M. Essai sur le don // *Année sociologique*. (N.S.) 1945. T. 1. P. 30-186.
21. Meyerowitz E. *The Divine Kingship in Ghana and Ancient Egypt*. L.: Faber & Faber, 1960.
22. Mitchell J.C. *The Yao Village*. Manchester: University Press, 1956.
23. Morton-Williams P. The Yoruba Kingdom of Oyo // Forde D., Kaberry P. (eds.) *West African Kingdoms in the Nineteenth Century*. L.: Oxford University Press, 1967.
24. Nadel S.F. *A Black Byzantium*. L.: Oxford University Press, 1942.
25. Oberg K. The Kingdom of Ankole in Uganda // Fortes M., Evans-Pritchard E.E. (eds.) *African Political Systems*. L.: Oxford University Press, 1940.
26. Pollock F., Maitland F.W. *History of English Law before the Time of Edward I*. Cambridge: University Press, 1898.
27. Quaritch-Wales H.G. *Siamese State Ceremonies*. L.: Bernard Quaritch, 1931.
28. Ratcliffe E.C. *The Coronation Service of Her Majesty Queen Elizabeth II*. Cambridge: University Press, 1953.
29. Rattray R.S. *Ashanti Law and Constitution*. Oxford: Clarendon Press, 1929.
30. Rattray R.S. *Tribes of the Ashanti Hinterland*. Oxford: Clarendon Press, 1932.
31. Richards A.I. The Political System of the Bemba Tribe, North Eastern Rhodesia // Fortes M., Evans-Pritchard E.E. (eds.) *African Political Systems*. L.: Oxford University Press, 1940.
32. Richards A.I. Social Mechanisms for the Transfer of Political Rights in Some African Tribes // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1960. Vol. 90. P. 175-190.
33. Richards A.I. African Kings and Their Royal Relatives // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1961. Vol. 91. P. 135-150.
34. Schapera I. *A Handbook of Tswana Law and Custom*. L.: Oxford University Press, 1938.
35. Schramm P.E. *A History of the English Coronation*. Oxford: Clarendon Press, 1937.
36. Skinner E.P. *The Mossi of the Upper Volta: The Political Development of a Sudanese People*. Stanford: University Press, 1964.
37. Zahan D, The Mossi Kingdoms // Forde D., Kaberry P. (eds.) *West African Kingdoms in the Nineteenth Century*. L.: Oxford University Press, 1967.

Примечания

38. Интересно отметить, насколько обычным для нашей истории и истории африканских государств было то, что узурпаторы и диктаторы-самозванцы пытались узаконить свое пребывание на высших властных постах чем-нибудь вроде коронации или возведения в должность. В Новое время ярким примером этого был Наполеон Бонапарт. Несколько известных примеров дает английская история (например, король Генрих VII). Важно здесь то, что харизматическое лидерство, каким бы оно ни было успешным, не конституирует должности.

39. Fortes M. *The Dynamics of Clanship among the Tallensi*.
40. Beattie J.H.M. Rituals of Nyoro Kingship // *Africa*. 1959. Vol. 29. P. 134-145.
41. Richards A.I. Social Mechanisms for the Transfer...
42. Fortes M. The Political System of the Tallensi; Fortes M. *The Dynamics of Clanship among the Tallensi*.
43. Rattray R.S. *Tribes of the Ashanti Hinterland*. Oxford: Clarendon Press, 1932. Vol. 2. P. 546-586.
44. Skinner E.P. *The Mossi of the Upper Volta: The Political Development of a Sudanese People*. Stanford: University Press, 1964. Ch. 3; Zahan D, The Mossi Kingdoms // Forde D., Kaberry P. (eds.) *West African Kingdoms in the Nineteenth Century*. L.: Oxford University Press, 1967.
45. Richards A.I. Social Mechanisms for the Transfer of Political Rights...; Richards A.I. African Kings and Their Royal Relatives // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1961. Vol. 91. P. 135-150.
46. Richards A.I. Social Mechanisms for the Transfer of Political Rights...
47. Fortes M. The Political System of the Tallensi...
48. Fortes M. *The Dynamics of Clanship among the Tallensi*. Ch. 4.
49. Fortes M. Ritual and Office in Tribal Society...
50. Ratcliffe E.C. *The Coronation Service*...

51. Я никогда лично не видел наделения полномочиями и введения в должность Вождя Тонго или обладателя какой-либо сопоставимой должности, даруемой королем Мампруси или его представителем. Мое описание собрано из отчетов, предоставленных мне обычно надежными и авторитетными информантами, включая Вождя Нанаамбонга. Но основные черты этих церемоний очень похожи на церемонии введения в должность подчиненных вождей Мампруси, находящихся в иерархии непосредственно ниже короля. Сюзен Друкер Браун удалось стать свидетельницей и участницей нескольких подобных церемоний введения в должность в ходе ее полевого исследования в Мампруси (1963-64), и я глубоко признателен ей за

возможность подтвердить общую картину, которую мне удалось получить от информантов-талленси, сравнением их информации с некоторыми ее неопубликованными полевыми данными. Недостаток места не позволяет мне обсудить с надлежащей подробностью такие важные элементы, как святыня вождества *дубе-ер* и пищевые табу, связанные с *наам*.

52. Nadel S.F. *A Black Byzantium*. L.: Oxford University Press, 1942. P. 53-56.

53. Goody J. The Overkingdom of Gonja // Forde D., Kaberry P. (eds.) *West African Kingdoms in the Nineteenth Century*. L.: Oxford University Press, 1967.

54. Это описание основывается частично на информации Рэттрея, а частично – на подтверждающих и дополняющих ее данных, любезно предоставленных Сьюзен Друкер Браун. И опять же недостаток места заставляет меня опустить обсуждение смысла таких символических действий, как семикратное повторение ритуала введения в должность.

55. Oberg K. The Kingdom of Ankole in Uganda // Fortes M., Evans-Pritchard E.E. (eds.) *African Political Systems*. L.: Oxford University Press, 1940.

56. Richards A.I. The Political System of the Bemba Tribe, North Eastern Rhodesia // Fortes M., Evans-Pritchard E.E. (eds.) *African Political Systems*. L.: Oxford University Press, 1940; Richards A.I. Social Mechanisms for the Transfer of Political Rights...

57. Richards A.I. Social Mechanisms for the Transfer of Political Rights... P. 184.

58. Lloyd P.C. Sacred Kingship and Government among the Yoruba // *Africa*. 1960. Vol. 30. P. 221-237.

59. Morton-Williams P. The Yoruba Kingdom of Oyo // Forde D., Kaberry P. (eds.) *West African Kingdoms in the Nineteenth Century*. L.: Oxford University Press, 1967. См. также: Lloyd P.C. Op. cit.

60. Morton-Williams P. Op. cit. P. 53-54.

61. Rattray R.S. *Ashanti Law and Constitution*. Oxford: Clarendon Press, 1929.

62. Ibid.; Busia K.A. *The Position of the Chief in the Modern Political System of Ashanti*. L.: Oxford University Press, 1951; Meyerowitz E. *The Divine Kingship in Ghana and Ancient Egypt*. L.: Faber & Faber, 1960.

63. См.: Rattray R.S. *Ashanti Law and Constitution*; Busia K.A. Op. cit.; Meyerowitz E. Op. cit.

64. Rattray R.S. *Ashanti Law and Constitution*; Meyerowitz E. Op. cit. Ch. 10.

65. См. формулу клятвы в: Rattray R.S. *Ashanti Law and Constitution*. P. 84 и далее. Ср. также: Kyerematen A.A.Y. *Panoply of Ghana*. N.Y.: Praeger, 1964.

66. Kyerematen A.A.Y. Op. cit.

67. Busia K.A. Op. cit. Ch. 2.

Пер. с англ. В.Г. Николаева